

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.3.14>

Пестова Елена Владимировна

ДИАПАЗОН ДОКУМЕНТАЛЬНОСТИ АНГЛОЯЗЫЧНОГО КОРОТКОГО РАССКАЗА

Данная статья посвящена рассмотрению диапазона документальности в художественных текстах англоязычных авторов. Цель статьи заключается в выявлении лингвистических основ текстопостроения, касающихся текстовой информации, в зависимости от соотношения документального и художественного в тексте короткого рассказа. Основная проблема - установить пропорции документальности, влияющей на собственно языковые свойства текста короткого рассказа. Получены выводы о том, что включение в текст документальности влияет на различные слои текстовой информации, а также обуславливает авторские оценки.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2019/3/14.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2019. Том 12. Выпуск 3. С. 68-72. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2019/3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 811.111(045)

Дата поступления рукописи: 24.01.2019

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.3.14>

Данная статья посвящена рассмотрению диапазона документальности в художественных текстах англоязычных авторов. Цель статьи заключается в выявлении лингвистических основ текстопостроения, касающихся текстовой информации, в зависимости от соотношения документального и художественного в тексте короткого рассказа. Основная проблема – установить пропорции документальности, влияющей на собственно языковые свойства текста короткого рассказа. Получены выводы о том, что включение в текст документальности влияет на различные слои текстовой информации, а также обуславливает авторские оценки.

Ключевые слова и фразы: антропоним; документализм; документальность; фактологический материал; художественно-документальное произведение.

Пестова Елена Владимировна

*Мордовский государственный педагогический институт имени М. Е. Евсевьева, г. Саранск
alena380029220@mail.ru*

ДИАПАЗОН ДОКУМЕНТАЛЬНОСТИ АНГЛОЯЗЫЧНОГО КОРОТКОГО РАССКАЗА

Важной проблемой в современной филологии (как в лингвистике, так и в литературоведении) является установление границ документального и художественного в структуре текста различных литературных жанров и стилей. Эта проблема рассматривается под разными углами зрения как повествовательная амбивалентность, документально-художественное двоемирие [12], взаимодействие документального и художественного в стилевой манере автора [10], репрезентация элементов вымысла и реальности в автобиографических текстах [6] и т.д. Перечень нюансов взаимодействия документального и вымышленного (художественного) в литературном творчестве весьма широк, и данный факт свидетельствует о многомерности и разноплановости рассматриваемой проблемы.

Одним из её аспектов можно считать соотношение художественного вымысла и документальности в текстопостроении короткого рассказа. Многие моменты здесь детерминируются спецификой жанра короткого рассказа, размер которого должен регулировать объем включаемой в него документальной и вымышленной информации, не говоря уже об их отличительных особенностях. В настоящей статье внимание концентрируется именно на вопросах такого рода, и с этой целью осуществляется установление границ документальности по отношению к художественному вымыслу в коротких англоязычных рассказах. С лингвистической точки зрения проблема замыкается на вопросах текстовой информации, самая известная классификация которой принадлежит И. Р. Гальперину. Им были выделены следующие слои текстовой информации: содержательно-фактуальная (СФИ), содержательно-концептуальная (СКИ), содержательно-подтекстовая (СПИ) [1, с. 27]. Цель статьи заключается в выявлении пропорции документального и вымышленного в тексте рассказа, а также в установлении того типа информации, который они актуализируют в тексте. Цель исследования реализуется в постановке следующих задач: 1) обнаружить в англоязычном художественном тексте полярные случаи включения в него вымышленной и документальной информации; 2) проанализировать характер документальной информации в случае ее наличия; 3) установить информативный потенциал документальной информации в совокупной содержательной структуре художественного текста.

Как показал анализ, наиболее отчетливо такое соотношение просматривается в рассказах Э. Хемингуэя и О. Генри, с одной стороны, и в произведении Джона Мэнифолда «Бугенвиль и Буньип», с другой.

Актуальность исследования определяется тем, что в преподавании иностранных языков не придается значения документальным сведениям текста, которые могут быть весьма эффективны для приобретения студентами целого блока лингвистической и экстралингвистической информации. Новизна исследования заключается в попытке дать лингвистическое обоснование той пропорции документальной информации, которая обнаруживается в континууме художественного вымысла и которая влияет на формирование категориальной основы художественного текста.

Одним из предварающих моментов должно стать выяснение понятий «документальность» и «документализм». В современной литературе их обсуждение осуществляется с учетом различий художественной и художественно-документальной прозы. Отмечается, что отличительной чертой документальной прозы является минимальное включение художественного вымысла, а возведение сюжетной линии осуществляется исключительно на реальных событиях в том смысле, что детали, имеющие под собой реальную основу, ставятся в таком произведении на первый план. Но в том, что касается самих терминов «документальность» и «документализм», мнения ученых расходятся. Под «документализмом» чаще всего понимают художественно-документальные жанры, к которым относятся мемуары, очерки, однако сюда можно включить и публицистику. В. В. Ученлова определяет документализм как метод, «ориентированный на запечатление текущих событий “как они есть”, в фактическом отношении» [11, с. 91].

Основа документализма лежит в художественном исследовании действительности, при этом его особенностью является потребность связаться с реальностью и удостовериться какой-либо факт, использовать документ как исторический, этический, эстетический принцип описания окружающего мира. Документализм – описание документов, подлинных фактов, событий. Документальность опирается на факты, исторические

документы, цитирует их в художественном произведении. Уровень документализма в тексте всегда высок, а степень документальности может колебаться от низкой к высокой в зависимости от замысла автора. Документальность связана с объективной реальностью. В отличие от художественного вымысла, в котором события, персонажи не существуют на самом деле, в документализме вымысел исключается.

В. С. Муравьев утверждает, что «документальность» – это «художественная проза, исследующая исторические события и явления общественной жизни путем анализа документальных материалов, воспроизводимых целиком, частично или в изложении. Сводя к минимуму творческий вымысел, документальное своеобразно использует художественный синтез, отбирая реальные факты, которые сами по себе обладают значительными социально-типическими свойствами» [7, с. 234-235]. П. В. Куприяновский выделяет два аспекта документальности: документально достоверный материал (исторические и биографические работы, реально существующие дневники, письма и т.д.) и документальность как средство создания художественного образа, то есть художественные произведения (художественные биографии, очерки и художественно-мемуарные произведения) [4, с. 133]. Н. Н. Максимкина считает, что «документальность в художественно-документальных жанрах следует отличать от документальности в художественной литературе» [5, с. 7]. Документальность в художественной литературе, по мнению Максимкиной, – отдельная сфера филологических исследований и, как можно заключить, также и лингвистических.

Где же та грань документальности, которая грозит превратить художественный текст в документальное сообщение другого жанра, хотя бы документальной прозы? На сегодняшний день нет четкой шкалы измерения достоверности, как нет и четких границ определения документальности. Мы осознаем, что есть художественные произведения «слабореальные», а есть, например художественные биографии (примерно от 15%), – более реальные, приблизительно от 35-40% – очень реальные исторические работы, и самые реальные – справочники – от 90%. Эти рамки размыты. А процентные соотношения недостоверны.

Художественно-документальное произведение имеет в своей основе документальную структуру, некий документальный материал, на который «натягивается» художественная оболочка. Двойственность художественно-документальной прозы состоит в том, что первоначально она следует факту, однако дополнительно имеет в своем составе художественно-образительные средства. Факты, используемые в такой прозе, заставляют читателя поверить автору, а следовательно, эмоционально влияют на него. Художественно-документальные произведения, как правило, описывают человеческие отношения в обществе словами, которые не обязательно произносились людьми в такой последовательности, и неизвестно, произносились ли вообще, а использование факторов документальности придает тексту достоверность, и читатель верит в подлинность общей картины. Рассказы, написанные участниками событий, опирающимися на фактологический материал (например, полет истребителя у Роальда Даля, который он сам пилотировал), базируются на личных переживаниях. Автобиографический сюжет дает нам возможность сравнения документального художественного произведения с исторической хроникой.

Документалистика в настоящее время занимает особое место в литературном процессе. Это обусловлено глобализацией, расширением возможностей масс-медиа в освещении общественно-политической, экономической и социокультурной жизни общества и, конечно же, развитием Интернета. Особо значимыми и актуальными становятся те художественные произведения, в основе которых лежит факт, поскольку он известен, достоверен, и его можно оригинально использовать бесчисленное множество раз. В связи с этим создается и изучается большое количество рассказов, очерков, повестей, отличающихся спецификой проблематики, идейной составляющей, художественным оформлением, но освещающих одни и те же факты. Однако авторы в этих фактах видят не отдельное событие, а многозначное явление, имеющее разнообразные связи с реальной действительностью и стремятся показать эти связи в их влиянии на мир.

Авторы документальной прозы, добавляя фактологический материал, дают возможность читателю проникнуть в центр описываемых событий, обратить на них внимание и составить собственное суждение о произошедшем. Безусловно, для достижения наибольшего эффекта фактуальность должна вплестаться в художественное произведение и разбавлять его художественность. Сухое использование фактов ведет к потере художественности и переходу из художественно-документальной прозы в документализм.

Переходя на основе описанных теоретических положений к анализу практического материала, рассмотрим рассказ Мэнифолда, который может быть квалифицирован как содержащий максимальное включение документальной информации, на фоне которой вымышленные события воспринимаются как второстепенные. Джон Мэнифолд эффектно начинает свой рассказ “*Bougainville and the Bunyip*” / «Бугенвилль и Буньип» (здесь и далее перевод автора статьи. – Е. П.) с экспозиции, чем сразу вводит читателя в курс описания прошлых событий. Автор начинает свой рассказ с перечисления фактов, которые легко принять за подлинные, а именно с даты и места действия. “*The year was 1768. The place was the outer edge of the Great Barrier Reef, on the latitude of Cooktown*” [3, с. 309]. / Это был 1768 год. Место – внешний край Большого Барьерного рифа на широте Куктауна. Топонимы Большой Барьерный риф и Куктаун не случайны. Большой Барьерный риф – цепь небольших островов вдоль восточного побережья Австралии, был открыт Джеймсом Куком (1728-1779) во время кругосветного путешествия в 1769-1770 годах. В честь этого мореплавателя и был назван город на северо-восточном побережье штата Квинсленд – город Куктаун. Кроме того, фактор документальности присутствует и в самом названии рассказа: *Bougainville* – это французский мореплаватель Луи Антуан де Бугенвилль (1729-1811). В таком случае главному герою рассказа Бугенвиллю должно быть 39 лет. Еще одна интересная деталь, связанная с названием этого рассказа, – это смешение вымысла и реальности: если *Bougainville* – реально существовавший человек, то другой персонаж – *Bunyip* – считается мифическим чудовищем австралийских аборигенов, полулошадью-полукрокодил. Однако некоторые ученые делают вывод о том, что это гигантский

вомбат дипротодон, который был крупнейшим сумчатым животным из когда-либо живших. «Известно, что это большое животное вымерло лишь 40 тысяч лет назад, а это значит, что первые люди, мигрировавшие в Австралию, могли его видеть. Некоторые специалисты предполагают, что именно дипротодон дал жизнь легенде австралийских аборигенов о мифическом создании, напоминающем полулошадь-полукрокодила. Дипротодон все еще живет в богатой культурной памяти аборигенов, и некоторые племена продолжают считать, что окаменелые останки принадлежат мифическому созданию. И легендарное, и реальное животное демонстрируют похожие поведенческие черты, такие как привычка скрываться в болотах и устьях рек» [13]. Однако даже если допустить возможность существования этого чудовища Буньица, то разговаривать на человеческом языке оно точно не могло, поэтому в данном рассказе вымысел очень тесно переплетается с реальностью.

Еще одно общекультурное реально-историческое имя, которое Джон Мэнифолд вводит в свой рассказ, – это His Most Christian Majesty King Louis – французский король Людовик XV (1728-1779), годы жизни которого совпадают со временем, описываемым в рассказе. Другой же человек, действительно существовавший и упоминающийся в рассказе “So Vaugondy was right!” [3, с. 310]. / Так Вогонди был прав! – Жиль Робер де Вогонди, известный французский географ и картограф (1688-1766), упоминается лишь в одной фразе, так как к тому моменту уже умер.

В рассказе трижды упоминается великий французский просветитель Вольтер (1694-1778). «Несмотря на то, что Вольтер последовательно боролся в своих исторических и философских работах против всех проявлений мистики и суеверия, в некоторых своих трагедиях для создания сценического эффекта он действительно выводит сверхъестественные феномены, например, призраки в трагедиях “Эрифилла” и “Семирамида”» [Там же, с. 389]. Не исключено, что с той же целью Джон Мэнифолд ставит одним из главных героев рассказа мифическое существо.

Есть в данном рассказе и неавторские антропонимы, заимствованные из произведения другого писателя, Джонатана Свифта (1667-1745), и его сатирического романа «Путешествия Гулливера». Вымышленные Свифтом антропонимы “Gulliver” – путешественник Гулливер и “Yahoos” – человекообразные существа Йеху тесно вплетаются в реальные события, упоминающиеся в рассказе Мэнифолда. “It was not thus that we settled Canada... And, if I am not mistaken, an English voyager named Gulliver has called these rapacious colonists Yahoos” [Там же, с. 311]. / Это не потому, что мы заселили Канаду... И, если я не ошибаюсь, английский путешественник по имени Гулливер называл этих жадных колонистов Йеху. Речь здесь идет о начале XVII века, когда в Канаде была создана первая французская колония, получившая название Новой Франции, то есть реальное событие.

Имена лошадей, упоминающиеся в данном рассказе, также не вымышленные. «Carbine – знаменитая австралийская скаковая лошадь, выигравшая в 1890 г. на скачках Мельбурнский кубок», «A certain Phar Lap, killed by Americans – знаменитая австралийская скаковая лошадь, действительно погибшая в результате отравления в Америке после победы на скачках в 30-х годах XX века» [Там же, с. 390]. Данные упоминания добавляют рассказу правдивости. Подкрепляемые реальными фактами, они добавляют реалистичности, заставляют читателя поверить в происходящие в рассказе события.

Последнее предложение в данном рассказе содержит три реально существующих онима, которые в совокупности указывают на определенную дату: “Captain Cook, who arrived two years later, having observed the transit of Venus at Tahity, never managed to set eyes on a Bunyip” [Там же, с. 313]. / Капитан Кук, который прибыл на Таити два года спустя наблюдать за прохождением Венеры, так и не увидел Буньица. Однако в рассказе есть неточность: в начале рассказа автор представляет дату – 1768 год, заканчивает он тоже датой «два года спустя», то есть имеется в виду 1770 год, что является ошибкой, так какхождение Венеры по диску Солнца произошло 3 июня 1769 года. Данное астрономическое явление происходит довольно редко: «Каждые 243 года повторяются 4 прохождения: два в декабре (с разницей в 8 лет), затем промежуток в 121,5 года, ещё два в июне (опять с разницей в 8 лет) и промежуток в 105,5 года» [8, с. 247]. Следовательно, это событие было весьма значимым для того периода. В экспедиции 1769 года на Таити, как и упоминается в рассказе, участвовал знаменитый мореплаватель Джеймс Кук (1728-1779), который совершил три кругосветных путешествия и действительно был на острове Таити в Тихом океане с целью изучения упомянутого астрологического явления.

Данный рассказ напоминает кольцо, замкнутый круг. Автор начинает его с упоминания даты, места действия и имени известного мореплавателя и тем же и заканчивает свое повествование. С точки зрения текстовой информации использование документального материала можно прокомментировать следующим образом. Фактологические данные в основном локализируются в содержательно-фактуальной информации, но часть их смыкается с содержательно-подтекстовой информацией. Названия мифологического существа, клички лошадей, несомненно, принадлежат историческому подтексту, который со временем забывается и образует в сознании реципиента содержательные лакуны. Имена Кука, Вольтера известны многим, и ссылка на них продуцирует в тексте слои документальной информации, которая хотя и локализуется в том же слое, но уже воспринимается читателем как познавательная. То же самое можно сказать и о прохождении Венеры по диску Солнца. Ошибка Мэнифолда была выявлена автором данной статьи, что раздвигает рамки художественности и сближает анализ текста с критикой научного сообщения. В некоторых фрагментах рассказа можно, таким образом, констатировать жанровые модификации текста через включение в него элементов научного или научно-фантастического текста.

Рассказу Джона Мэнифолда противостоят три рассказа, манифестирующие другой полюс диапазона документальности – нулевой. Один из них принадлежит Эрнесту Хемингуэю, документальное творчество которого во многом обязано его журналистской карьере, благодаря чему он всегда писал лишь о фактах, не терпел многословности и оставлял читателю возможность поиска чувств в подтексте. Исходя из этого его

повествование объективно и исключает прямые авторские оценки. В 1920 году Эрнест Хемингуэй поспорил на 10 долларов с друзьями-писателями, что сочинит самый короткий рассказ. Он написал: "For sale: Baby shoes. Never worn" [14]. / Продаются детские ношенные ботиночки. И выиграл спор. В этом рассказе совершенно отсутствует документальность, нет указаний ни на хронос, ни на топос, нет также и главного действующего лица. Однако вместе с тем рассказ производит впечатление подлинного объявления, помещаемого в газете. Читательский опыт знакомства с такого рода объявлениями привносит определенную долю виртуальной документальности, продуцирующей слои концептуальной и подтекстовой информации. Из одной лишь строчки мы понимаем всю трагичность ситуации: обычно родители сентиментальны и стараются сохранить на память первые детские ботиночки, погремушки и т.д. Однако здесь мы видим желание избавиться от ботиночек и от воспоминаний. А тот факт, что обувь ни разу не надевали, наталкивает на мысль, что произошла трагедия. Почему же автор не включает хронотоп в свое произведение и не привязывает его к реальной действительности? Дело в том, что благодаря такому приему рассказ приобретает некую «бессмертность» и начинает существовать вне времени и пространства. Читатель осознает, что подобные ситуации случались и раньше, происходят в настоящее время и будут происходить в будущем. Гораздо важнее подтекст чувств, которые испытывают продавец и читатель. То есть можно сказать, хронотоп в данном рассказе не играет роли и даже становится лишним, что подтверждает его авторский стиль изложения.

О. Генри, в свою очередь, также написал короткий рассказ, в котором отсутствует документальность, но зато имеются завязка, кульминация и развязка: "The driver lit a cigarette and leaned over the gas tank to see whether there was much fuel left. The deceased was 23 years old" [ibidem]. / Водитель закурил и нагнулся над бензобаком, чтобы посмотреть, сколько бензина осталось. Покойному было 23 года. Здесь описывается обычная ситуация: водитель закуривает. Обычно перед названиями профессий ставится неопределенный артикль. В данном же случае водителю предшествует определенный артикль "the", и читатель воспринимает его как одного из знакомых автору водителей. Однако это не документальность, не конкретный человек, а лишь плод фантазии автора. В рассказе не указывается ни место, ни время действия. Читателю дается возможность самому представить, где и когда оно совершилось, так как подобная ситуация может произойти с любым человеком в любое время. О. Генри мастерски описал данную ситуацию и создал неожиданную развязку. А ироническая линия этого рассказа продуцирует эффект черного юмора, локализованный в подтекстовой информации.

В 1866 году Чарльз Диккенс написал рассказ "The signalman" / «Сигнальщик». В молодости свою литературную деятельность он начал, работая репортером, в связи с чем документальность имела в его профессиональной деятельности очень большое значение. Однако в данном рассказе документальность полностью отсутствует.

Рассказ повествует о призраке, являющемся сигнальщику железной дороги. Приведение пытается предупредить его о том, что в скором времени с ним должно произойти нечто ужасное. В рассказе весь сюжет сосредотачивается на появлении этого призрака. Привидения часто фигурируют в контексте английской национальной культуры. Диккенс с детства интересовался фантастическими историями, рассказами о призраках и мистикой. «Няня будущего писателя, девочка-подросток, обладала, по-видимому, подлинным талантом к сочинению и пересказу страшных сказок и историй; прекрасной рассказчицей была и бабушка Диккенса» [9, с. 315]. Он собирал рассказы очевидцев, столкнувшихся со сверхъестественными событиями, и старался опровергнуть их достоверность. Критиковал людей, занимавшихся медиумизмом или «общением с духами умерших». 6 сентября 1859 года Диккенс написал Уильяму Хоитту, литератору, увлекавшемуся спиритизмом: «Я до сих пор не встречал еще такого рассказа о приведениях, достоверность которого мне бы доказали и который не имел бы одной любопытной особенности – а именно что изменение какого-нибудь незначительного обстоятельства возвращает его в рамки естественной вероятности» [2, с. 125].

Этот рассказ не содержит ни дат, ни онимов, его герои не имеют имен. Создается впечатление, что это отрывок из повседневной жизни. Однако он описывает мистическое событие – явление призрака. Автором создается мрачная атмосфера предчувствия смерти, что весьма символично, ведь автор скоропостижно скончался спустя четыре года. Неясна роль призрака – возможно, это предупреждение или же видение сигнальщика, предвидевшего свою смерть. При создании этого рассказа автор не стремится внедрить в него элементы реальности, с одной стороны, подчеркивает ирреальность происходящего в нем, а с другой, создает впечатление, что подобная история может произойти с каждым, так как вопрос мистицизма остается открытым. Этот рассказ Диккенса – не единственное произведение о призраках, есть еще «Рождественская песнь», «Судебный процесс по делу об убийстве» и «Призрак в комнате мистера Б.».

В заключение можно сделать **вывод**, что диапазон документальности в тексте короткого рассказа варьируется в весьма широком объеме от таких крайних точек, как нулевое присутствие документальных фактов и максимально возможное их упоминание. Внедрение той или иной пропорции документальности в текст короткого рассказа влияет на его собственно языковые свойства, обуславливая особенности текстовой информации. На базе рассмотренных рассказов можно сделать вывод, что при включении максимально большой пропорции документальной информации художественный текст расширяет зону СФИ, создавая у реципиента впечатление подлинности описываемых фактов, на что никогда не ориентируется художественный текст в целом. Повествование становится объективным и исключает прямые авторские оценки. В текстах с нулевым присутствием документальной информации, как правило, обнаруживается масштабный информативный блок, коррелирующий с зонами СКИ и СПИ. Читателю предоставляется возможность самостоятельно домысливать детали СФИ. При прочтении подобных рассказов создается впечатление, что они вырваны из повседневной жизни, вопреки недосказанности эти рассказы тем не менее понятны читателю.

Список источников

1. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. Изд-е 4-е, стер. М.: КомКнига, 2006. 144 с.
2. Диккенс Ч. Собрание сочинений: в 30-ти т. / пер. с англ. М. Беккер. М.: Гос. изд-во худ. лит., 1963. Т. 30. 368 с.
3. Касаткина Л. Австралийские рассказы: сборник рассказов на английском языке с послесловием на русском языке. М.: Прогресс, 1975. 400 с.
4. Куприяновский П. В. Доверие к жизни. Ярославль: Верхне-Волжск. кн. изд-во, 1981. 239 с.
5. Максимкина Н. Н. Документализм как ведущий принцип изображения действительности в творчестве С. Г. Фетисова: автореф. дисс. ... к. филол. н. Саранск, 2008. 21 с.
6. Молчанова А. С. Особенности репрезентации элементов вымысла и реальности в автобиографических текстах (на материале произведений М. Марон) // Филология и культура. 2012. № 4 (30). С. 135-138.
7. Муравьев В. С. Документальное // Литературная энциклопедия терминов и понятий / ред. А. Н. Николюкина. М.: НПК «Интелвак», 2003. С. 234-235.
8. Полозова Н. Г., Румянцева Л. И. 350 лет наблюдениям прохождения Венеры по диску Солнца // Астрономический календарь на 1989 год. М.: Наука, 1988. Вып. 92. С. 244-253.
9. Потерянная комната и другие истории о привидениях: рассказы / сост. Л. Брилова; пер. с англ. В. Ашкенази, Л. Бриловой, М. Колпакчи и др. СПб.: Азбука; Азбука-Аттикус, 2011. 352 с.
10. Уртмицева М. Г. Проблема взаимодействия документального и художественного в структуре публицистического текста (на материале очерка В. Г. Короленко «Из истории областной печати. Памяти А. С. Гацкого») // Филология и культура. 2012. № 4 (30). С. 162-165.
11. Ученова В. В. Творческие горизонты. М.: Мысль, 1976. 204 с.
12. Фролов Г. А. Документально-художественное двоемирие в «Путевых заметках» Кристофа Рансмайра // Филология и культура. 2012. № 4 (30). С. 166-170.
13. 12 животных, по ошибке принятых за мифических созданий [Электронный ресурс]. URL: <http://www.facepla.net/index.php/the-news/nature-news-mnu/4219-myth-animals?source=subscribeRu/> (дата обращения: 12.12.2018).
14. 13 concise but deeply satisfying literary wonders [Электронный ресурс]. URL: <https://brightside.me/article/13-concise-but-deeply-satisfying-literary-wonders-91505/> (дата обращения: 12.12.2018).

RANGE OF DOCUMENTARY CHARACTER OF THE ENGLISH-LANGUAGE SHORT STORY

Pestova Elena Vladimirovna

Mordovian State Pedagogical Institute named after M. E. Evseviev, Saransk
alena380029220@mail.ru

The article is devoted to the consideration of the range of documentary character in the fiction texts of the English-language writers. The purpose of the study is to identify the linguistic foundations of text-building, concerning textual information, depending on the ratio of documentary and fiction in the text of a short story. The main problem is to ascertain the proportions of documentary character influencing the actual linguistic properties of a short story text. It is concluded that the inclusion of documentary character in a text affects various layers of textual information and also conditions the author's estimates.

Key words and phrases: anthroponym; documentalism; documentary character; fact material; fiction-documentary work.

УДК 8; 81:112.4

Дата поступления рукописи: 16.01.2019

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.3.15>

В данной статье рассмотрена динамика ключевых жанровых признаков травелога – письменного эпистолярного жанра в англоязычном дискурсе. Основные направления эволюции жанра изучаются на примере его двух исторических разновидностей – путевых заметок XIX века и блога о путешествиях, функционирующего в современном компьютерно-опосредованном общении. Определены ключевые жанровые признаки травелога – содержание (тематика путешествия), композиционная структура и комплексная коммуникативная цель. Произведен анализ динамики средств конструирования образа автора и адресата, дополненный корпусной методологией.

Ключевые слова и фразы: жанр; жанровые характеристики; травелог; дискурсивное конструирование; автор и адресат; корпусная методология; английский язык.

Плавина Анастасия Александровна

Волгоградский государственный университет
plavina.a@gmail.comЖАНРОВЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ТРАВЕЛОГА В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ДИСКУРСЕ:
ДИНАМИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

1. Введение

Исследование дискурса как процесса языковой деятельности, отражающего различные способы социального взаимодействия, дополняется в последнее время историческим подходом, позволяющим установить основные